**SECȚIUNEA IV:
PROCESE ETNICE, ETNOSOCIALE ȘI ETNODEMOGRAFICE:
ISTORIE, PREZENT, PERSPECTIVĂ**

<https://doi.org/10.52603/9789975333788.27>

**ГАГАУЗЫ И БОЛГАРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ИСТОРИЯ С ЭТНОЛОГИЕЙ И ДЕМОГРАФИЕЙ**

Ирина СУББОТИНА

Институт этнологии и антропологии РАН

**Gagauz and Bulgarian peoples of the North Caucasus:
History with Ethnology and Demography**

Materials from population censuses in Russia, data from state archives of Kabardino-Balkaria and Northern Ossetia (Alania), materials from stanitsa Ekaterinogradskaya rural household registers of 1940s, 1950s, 1970s and 1990s as well as data from the author's ethnosociological studies have been used to describe the ethnodemographic dynamics of Gagauz and Bulgarian population in Malgobek and Sukhotskoe villages in Northern Ossetia (Alania) and stanitsa Ekaterinogradskaya in Kabardino-Balkaria.

Keywords: the Gagauz, Bulgarians, resettlements, Bessarabia, the North Caucasus, Kabardino-Balkaria, Northern Ossetia (Alania), Malgobek and Sukhotskoe villages, stanitsa Ekaterinogradskaya.

Проблемы диаспоральных групп того или иного этноса, оказавшихся за пределами основного этнического ядра расселения, чье развитие детерминировалось рядом иных факторов, нежели те, что влияли на формирование этноса на основной исторической территории, всегда интересовали этнологов, как и вопросы первоначального расселения тех или иных народов, пути их дальнейшей миграции, время, причины и цели их появления в иных землях.

Ряд статей автора (Субботина 2006: 232-245; Субботина 2009: 386-402; Субботина 2013: 63-86 и др.) был посвящен одной из таких групп – гагаузам Северного Кавказа, в частности, вопросам определения исторического периода их появления в тех регионах Северного Кавказа, где они живут и по сей день (Прохладненский и Майский районы Кабардино-Балкарии и Моздокский район Республики Северная Осетия – Алания, ранее составлявшие часть территории Малой Кабарды). Время появления гагаузов в республиках Северного Кавказа немногочисленные исследователи относили к началу или к 20–30-м гг. XX в. Так, Дж. Н. Коков, известный филолог, историк Кабардино-Балкарии, в своей книге «Адыгская (черкесская) топонимика» писал: «Булгъар (Булгар) – кабардинское, неофициальное название населенных пунктов Малгобек (Малый), Сухотское, Раздольное, Виноградное (на севере СО АССР), Екатериноградская, Приближная, Пролетарка и др. (КБАССР) и их гагаузского (выделено мной – И. С.) населения. Религия гагаузов – православная, язык – тюркский. На Кавказ гагаузы (их здесь называют туканами) приехали в начале нашего (XX – И. С.)

столетия из Бессарабии» (Коков 1974: 156-157). В многочисленных работах известного историка Молдовы И. Ф. Грека, посвященных этногенезу гагаузов Буджака, также как и в работах И. А. Анцупова, С. З. Новакова, утверждалось, что начало миграций гагаузов на Северный Кавказ, как и в Казахстан и Среднюю Азию, относится к 1909–1913 гг., времени Столыпинской реформы (Грек 2019: 317). И лишь в одной из последних работ И. Ф. Грека начавшиеся на Северный Кавказ миграционные перемещения гагаузов отнесены к концу XIX в. (Грек 2020: 225). Хочется надеяться, что наши многочисленные публикации о начальном периоде миграций гагаузов на Северный Кавказ, основанные на широком круге разнообразных источников, убедили И. Ф. Грека немного пересмотреть хронологические рамки этого процесса. Изучив многочисленные материалы государственных архивов Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – Алании, автор настоящей работы пришла к выводу, что с большой долей вероятности можно говорить о том, что не начало XX в., не 1920–1930-е гг., а период после отмены крепостного права в России, 1870–1880-е гг. следует считать временем начала миграционных перемещений гагаузов на Северный Кавказ.

С отменой крепостного права в России совпали по времени процессы миграционного оттока значительной части населения Северного Кавказа в Турцию (так называемое мухаджирство), что привело к тому, что многие районы этой территории опустели. Указанные процессы в сочетании с крестьянской реформой и почти одновременно проводившейся земельной реформой привели к активизации внутрироссийских миграций и устойчивому миграционному притоку населения, обеспечившему быструю колонизацию вновь присоединенных к России районов (Белозеров 2005: 34-35). Наличие огромных массивов свободных плодородных земель Северного Кавказа стало главным фактором притяжения, основным привлекательным моментом для крестьянского гагаузского населения, к тому времени уже страдавшего от малоземелья. Именно малоземелье послужило для гагаузов серьезным фактором, выталкивавшим их из Бессарабии. Кроме того, дополнительными факторами, повлиявшими на миграционный отток гагаузов из Буджака в 1870–1880-е гг., явились лишение болгар и гагаузов юридического статуса колонистов по реформе 1871 г. в Бессарабской области, введение для них воинской повинности (1874) и др. (Ангели 2007: 338-339).

Переселенцы из российских губерний, в том числе Бессарабской, преимущественно селились в тех районах Кабарды, которые ранее были освоены и в которых располагались крупные казачьи станицы, возникшие еще в 1770–1790-е гг., в период «военной колонизации» как военные укрепления «Кавказской линии», то есть на территории современного Прохладненского и Майского районов Кабардино-Балкарии и Моздокского района Северной Осетии: это станицы Прохладненская, Приближная, Солдатская, Екатериноградская и др. Сначала пришедшие крестьяне пользовались земельными участками на правах аренды, позднее началась массовая продажа земли, принадлежавшей привилегированным сословиям Кабарды. В

1870–1880-е гг. «на территории Кабардино-Балкарии <...> сосуществовали крупные кабардинские селения и малодворные хутора, населенные русскими, осетинами, ингушами, немцами, греками и др.» (Мамбетов 1971: 71,81; ГАРСО, ф. И, оп. 11, д. 93, л. 29). Хутора переселенцев представляли собой выселки, заключающие от пяти до пятидесяти дворов (ГАРСО, ф. И, оп. 11, д. 93), при этом они размещались мелкими поселками на значительном расстоянии друг от друга.

Именно в данном районе Малой Кабарды, недалеко от кабардинского аула Ахлово в 1890 г. был образован хутор Василенко (насчитывавший, по данным Терского календаря на 1901 г., 45 дворов, 231 душу обоего пола), население которого составляли «болгары», а возле селения Хапцево – хутор Сухоцкий (1899), в котором было 35 дворов и проживало 170 человек, в основном «болгар» (Терский календарь... 1900: 38, 164).

Из анализа архивных материалов становится очевидно, что болгары и гагаузы в составе русского и украинского населения из Бессарабии и Таврической губернии в 1890 г. уже массово проживали в районе Малой Кабарды, на хуторах селений Ахлово и Хапцево, вначале арендовав, а затем купив через Государственный крестьянский земельный банк земельные наделы в этих краях. Вполне допустимо, что отдельные, наиболее отважные и предприимчивые гагаузы значительно раньше могли добраться до означенных районов Северного Кавказа, совершая самостоятельные, «разведочные» миграции, а затем принять участие в движении ходоков, направлявшихся для выбора земельных участков в новых краях, что открывало со временем возможности более масштабных миграционных переселений гагаузов. Кроме того, административное оформление тех или иных населенных пунктов происходило зачастую спустя многие годы после фактического образования тех или иных поселений, и отмеченные в Терском календаре годы образования хутора Василенко (1890), хутора Сухоцкого (1899), их «болгарского» населения могли не отражать времени фактического поселения здесь гагаузов и болгар.

Таким образом, приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что первоначально (вероятнее всего в 1870–1880-е гг.) гагаузы и болгары расселялись на образованных ими хуторах на территории, которая находилась в районе реки Нижний Курп, на хуторах близ селения Ахлово, а в настоящее время является территорией Моздокского района Северной Осетии – Алании. Позднее началось расселение гагаузов и болгар из «Нижне-Курпского гнезда» в соседние казачьи станицы Малой Кабарды, входившие в Сунженский отдел Терской области (ныне территория Кабардино-Балкарии), – Прохладненскую, Приближную, Солдатскую, Екатериноградскую и др. Более раннее поселение гагаузов и болгар в русских и украинских казачьих станицах края могло быть лишь единичным, ибо массовое расселение здесь было затруднено, ввиду невозможности получения (покупки) земельных наделов пришлым населением, не относящимся к казачьему сословию.

Правда, ни о каких «гагаузах» в найденных архивных материалах упоминаний не было, но из истории переселения гагаузов и болгар с Балканского полуострова в Бессарабию в числе задунайских переселенцев, известно, что зачастую все переселенцы по документам того времени «проходили» под общим названием «болгары». Самоназвание «болгары» долгое время сохранялось (сохраняется и поныне) у гагаузов в тех регионах России, где они проживали сравнительно малочисленными, изолированными от основного этнического ядра гагаузов Бессарабии группами как, например, в Малой Кабарде. Большое значение имело и то, что переселение гагаузов на территорию Северного Кавказа началось в последние десятилетия XIX в., то есть отрыв этой группы гагаузов от этнического «материка» произошел раньше, чем у гагаузов Бессарабии началось развитие процессов этнического самоопределения.

Между тем в найденных нами в архиве списках так называемых «болгар-переселенцев» (Субботина 2006: 232-245) фамилии в большинстве своем являлись гагаузскими: тюркская основа фамилии, имеющей окончания на «оглу», а также с аффиксами «джи» // «джы», «чи» // «чы», «ли» // «лы». Сопоставление этих фамилий со словарем гагаузских фамилий и прозвищ дало основание утверждать, что в числе болгар-переселенцев тех лет 80–90% могли составлять гагаузы. И. Ф. Грек обвинил автора этой статьи в ошибочной методике определения численности гагаузов, опиравшейся лишь «на долю фамилий тюркского происхождения» среди переселенцев (Грек 2019: 320). Но не только антропонимический анализ архивных материалов, но и изучение современного населения отдельных сел Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – Алании (станции Екатериноградской, селений Малгобек (образованного из жителей х. Василенкова), Сухотское и др.), пофамильный анализ похозяйственных книг сел за период 1940–2000-х гг., опросы (1989 и 2005 гг.) местного «болгарского» (ибо и в настоящее время большинство жителей по-прежнему считают себя болгарами и числятся таковыми по документам) населения, беседы с местными жителями, со старожилами, еще помнящими родной гагаузский язык, и руководителями администраций этих районов дали автору богатейший материал и неоспоримые доказательства того, что и бывшие болгары-переселенцы и нынешние «болгары», являющиеся их прямыми потомками, в большинстве своем представляют гагаузское население.

Кроме того, этнодемографическое исследование, проведенное в 1989 г. (совместно с С. С. Курогло) по анкете, разработанной автором статьи, среди гагаузского населения (можно не сомневаться, что такой высококвалифицированный этнолог, гагауз по национальности, каковым был Степан Курогло, вряд ли перепутал бы носителей гагаузского и болгарского языков) сел Сухотское, Малгобек Северной Осетии и станции Екатериноградской Кабардино-Балкарии, было нацелено, помимо прочего, на выяснение мест рождения респондентов и их родителей, а также территории, откуда они прибыли в данный населенный пункт. Всего в трех названных селах было опрошено 114 человек в возрасте от 16 лет и старше. Анализ этих материалов, про-

веденный в корреляции с возрастом респондентов, дал возможность подтвердить сделанные выше выводы.

Вспоминается случай, свидетелем которого стал автор при проведении интервьюирования гагаузов станицы Екатериноградской в 2005 г. В анкете, которую заполняли респонденты, был вопрос: «Человеком какой национальности Вы себя считаете?». Один из двух пожилых мужчин, заглядывая в анкету другого, спросил: «Зачем ты написал „болгарин”? Нам же рассказывали, что мы – гагаузы». Думаю, что одним из таких «просветителей» для местного населения был Степан Курогло, проводивший опрос в станице Екатериноградской за 15 лет до проведения автором повторного исследования.

Наиболее интересной, с точки зрения информации о местах выхода первых поселенцев-гагаузов, являлась группа респондентов старше 60 лет, то есть тех, кто родился в 1920-е гг. и ранее. Рождение их родителей приходится на 1900-е гг. и более ранний период. Опрос пожилых гагаузов («болгар») села Сухотское показал, что их родители в большинстве своем были выходцами из гагаузских Вулканешт, Копчака, Этулии Бессарабской губернии, а также из сел Котловина, Болбока Одесской области Украины.

Пожилые гагаузы села Малгобек местом рождения своих родителей называли Вулканешты, Копчак, Болбоку, а также Семипалатинскую обл. Казахстана, Казахстан и Сибирь. Напомним, что жители этого села и их предки проживали прежде на хуторе Василенко, но в 1917–1918 гг. вынуждены были покинуть Северный Кавказ и переселиться «в Сибирь», в Казахстан, откуда в 1926 г. вернулись в Малую Кабарду (Субботина 2009: 386-402).

Пожилые гагаузы станицы Екатериноградской в своих ответах были близки гагаузам села Сухотское и Малгобек, назвав местами рождения своих родителей Вулканешты, Копчак, Этулию, Чишмикию, Болбоку, Котловину, а также Семипалатинскую область Казахстана и Сибирь.

Места рождения самих респондентов-гагаузов, опрошенных в 1989 г., дали возможность показать, как формировался состав гагаузского населения названных сел в основном уже в советский период. Материалы опроса показали, что жители сел Сухотское и Малгобек на 90–92% состоят из уроженцев своего или соседнего села, а 8–10% (наиболее пожилых респондентов) падают на долю тех, кто родился в Этулии и Ставропольском крае (для Сухотского), и тех, кто родился в Семипалатинской области Казахстана, Сибири (для Малгобека).

Гагаузы станицы Екатериноградской лишь на две трети (67%) являются уроженцами своего села, еще 10% составляют те, кто родился в соседних Сухотском и Малгобеке, а остальные 23% гагаузов местами своего рождения называли Вулканешты, Котловину, Запорожье, а также Семипалатинскую область Казахстана.

Как же складывалась динамика численности гагаузского и болгарского населения исследованных сел? По данным переписи населения 1926 г. по Кабардино-Балкарии, на хуторе Сухотский насчитывалось 43 двора (186 чел.) «болгар», в с. Малгобек – 32 двора (176 чел.), в общей сложности 362

чел. (Поселенные итоги переписи... 1929:411-420). В докладе Мало-Кабардинского окружного исполнительного комитета КБАО за период с 1 января 1928 г. по 1 июля 1929 г. представлены сведения о народонаселении округа, из которых явствует, что численность «болгар» в названных селениях возросла к этому периоду до 409 человек [ЦГА КБР, Ф. Р-2, оп. 1, ед. хр. 501, л. 121]. На 01.07. 1931 г. в сведениях о национальном составе населения по округам КБАО находим численность «болгар» Мало-Кабардинского округа, равную уже 554 чел., при этом на хуторе Сухотском их насчитывалось 237 чел., на хуторе Василенко (Малгобек) – 306 чел., в пос. Терекский – 6 чел., в Раздольном – 5 человек (ЦГА КБР, ф. Р-151, оп. 1, ед. хр. 305, л. 42-43).

Спустя почти восемьдесят лет, по данным переписи населения России 2010 г., в Сухотском осталось 25 «болгар», в Малгобеке – 53 чел. (Итоги Всероссийской переписи... 2011).

Станица Екатериноградская являлась одной из самых крупных станиц Терской области и даже непродолжительное время носила статус города, центра области. В середине XIX в. (1850), по данным духовенства, в ст. Екатериноградской проживало только русское население – 2424 чел. Поселенные данные переписи населения 1926 г. не дают нам представления о том, проживали ли в тот момент в ст. Екатериноградской «болгары». Материалы похозяйственных книг станицы дали автору возможность проследить динамику численности гагаузов и болгар на протяжении более чем полувека, начиная с 1940-х гг. Сплошная выборка из похозяйственных книг станицы за 1943–1944 гг. показала наличие в это время 194 «болгар». Это Дерменжи, Ириогло, 2 семьи Чавдарь, 2 семьи Касаджик, Братанов, Янышева, Ириоглов, Орманжи, Орлов, 2 семьи Кирчевых, Зебель, Гурев, Кулаксыз, Келяогло, Арабаджи, Анастасова, Гергешан.

В похозяйственных книгах ст. Екатериноградской за 1958–1960 гг. появляется еще 5 новых «болгарских» фамилий: Монастырло, Гаризан, Килиоглов, Москоглов, Текерлек, а в похозяйственных книгах за 1976–1978 гг. мы отмечаем появление семей Великсаровых, Даловых, Каланжова, Радышева и др. Общая численность «болгар» в станице составила 214 чел.

К 1997–2001 гг. список «болгарских» семей пополнился очень значительно. В нем появилось еще 32 новых фамилии: Дымов, Сорочан, Кайдбайлова, Тодоров, Анишко, Шиянова, Шатова, Пунаржи, Полукчу, Казанжи, Кукулер, Кирезлиев, Кононова, Зайченко, Ласкутинова, Дядов, Бондарь, Кивиогло, Лицинский, Федорова, Алентьева, Бузаджи, Катанжи, Федченко, Забунов, Бойко, Макущенко, Каланжева, Милова, Тотоева, Чернова, Ермилова. Общая численность «болгар» в Екатериноградской к началу XXI в. составляла 174 чел. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в станице проживало лишь 70 «болгар».

Таким образом, мы наблюдаем здесь сложные этнодемографические процессы. С одной стороны, шло увеличение численности гагаузского (и отчасти болгарского) населения станицы Екатериноградской, его «стягивания», концентрации как в станице, так и в целом в Прохладненском районе

(населенном, главным образом, русскими). Этот рост численности шел как за счет естественного прироста, так и за счет миграции из других сел (главным образом, из с. Сухотское и с. Малгобек, населенных осетинами и кабардинцами), особенно ускорившейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (что могло быть связано с усилившимися в эти годы процессами этнической мобилизации у кабардинцев и осетин). С другой стороны, миграции более молодого поколения (в том числе в Сибирь, Тюменскую обл.), а также быстро идущие процессы смертности (ввиду «старой» возрастной структуры «болгарского» населения), ассимиляционные процессы, определяемые главным образом высокой долей этнически смешанных браков (в основном с русскими), а также сменой фамилий и этнической идентичности у потомков от этих браков на русскую, привели к быстрому сокращению численности носителей «болгарской» идентичности в составе населения ст. Екатериноградской.

Литература

Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI вв.). Кишинев: Tipogr. Centrala, 2007. 640 с.

Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. Москва: ОГИ, 2005. 364 с.

ГАРСО, ф. И, оп. 11, д. 93.

Грек И. Ф. Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке). В: Русин, 2019, № 55, с. 317-352.

Грек И. Ф. Еще раз о жителях поселка Болгарский в Казахстане. В: Русин, 2020, № 62, с. 212-234.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по РСО – Алания. Т. 4. Национальный состав населения по муниципальным образованиям. Владикавказ, 2011.

Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимика. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с.

Мамбетов Г. Х. Материальная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1971. 407 с.

Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929. 462 с.

Субботина И. А. Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численности. Поиски и находки. В: Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований. Комрат, 25–26 сентября 2006 г. Москва: Старый сад, 2006, с. 232-245.

Субботина И. А. К истории появления гагаузов на Северном Кавказе. В: Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Москва: Старый сад, 2009, с. 386-402.

Субботина И. А. К вопросу о появлении гагаузов на Северном Кавказе В: Этнические и конфессиональные исследования. Назрань: КЕП, 2013, с. 63-86.

Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900. 211 с.

ЦГА КБР, ф. Р-2, оп. 1, ед. хр. 501, л. 121.

ЦГА КБР, ф. Р-151, оп. 1, ед. хр. 305, л. 42-43.

Ирина Субботина, к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Российская Федерация)

Email: irinalsu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>